

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
(на материале современного немецкого языка)**

*Работа представлена кафедрой немецкой филологии
Волгоградского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат филологических наук, профессор В. И. Кураков

Статья посвящена проблеме содержательной интерпретации категории отрицания, ее отношения к прагматическому потенциалу высказывания, а также специфике ее реализации средствами современного немецкого языка.

The article is devoted to the problem of substantial interpretation of the negation category, its relation to the pragmatic potential of a proposition and peculiarities of its realisation in the modern German language.

Наше исследование посвящено одной из самых дискуссионных проблем современной лингвистики, связанной с общетеоретической трактовкой языковой сущности отрицательных слов независимо от их специфики в отдельных языках. Ее актуальность определяется отсутствием на сегодняшний день четкого понимания языковой специфики категории отрицания, ее отношения к номинативной (пропозициональной) структуре высказывания, роли в формировании прагматического потенциала последнего, а также его грамматической сущности, в частности отношения отрицательных слов к системе частей речи современного немецкого языка.

Поскольку комплексное описание языковых явлений включает в себя в обязательном порядке их рассмотрение в трех аспектах: семантическом, синтаксическом и прагматическом, то и мы, исходя из этого, видим свою задачу в том, чтобы, следуя трактовке Ч. Морриса, дать описание отрицания во всех трех его аспектах¹.

Многие немецкие лингвисты вследствие трудностей определения семантической специфики некоторых языковых единиц

уделяют внимание исключительно прагматическому аспекту отрицания.

С точки зрения прагматики, отрицательное высказывание в коммуникативном процессе помогает восприятию содержания сказанного, акцентирует внимание на характеристике обсуждаемого предмета, что проявляется в отклонении или коррекции «мнения» участников коммуникативного взаимодействия относительно «данного положения дел», с тем чтобы охарактеризовать такое положение дел как неверное.

Иными словами, отрицательное высказывание может служить своеобразным регулятивным средством, направляющим развитие типовой интеракции по определенному сценарию, побуждающим пересмотреть его или же отказаться от него². И в этом заключается его прагматический потенциал.

Как видно из приведенных рассуждений, все внимание лингвистов сосредоточено как раз на коммуникативно-прагматическом аспекте содержания отрицательного высказывания.

Однако описание отрицания только лишь через обращение к сфере прагматики мы считаем неубедительным или, во всяком

случае, недостаточным, потому что различные отрицательные высказывания могут нести одну и ту же прагматическую интенцию, и, наоборот, одна и та же отрицательная реплика может быть интерпретирована с точки зрения прагматики. Мы считаем ошибочной трактовку отрицания только с позиций прагматического подхода еще и потому, что, по нашим предварительным наблюдениям, само отрицание, как правило, не влияет на прагматику, на иллюкцию высказывания. Однако, несмотря на это, все еще наблюдается очевидный крен в сторону прагматики, тогда как интерпретация содержательной специфики отрицательных слов и суждений остается обделенной вниманием со стороны исследователей.

Так, продолжая следовать мнению сторонников определения специфики языкового явления исходя из его прагматического потенциала, З. Й. Шмидт полагает, что отрицание есть не специальное «содержательное фиксирование в языке, а операция реализации коммуникативных намерений, или иллюкутивных актов типа приветствия, приказаний, возражения и т. п., и более общая коммуникативная операция, которая предполагает другие коммуникативные операции и может комбинироваться с ними»³. Он также предполагает, что функции отклонения или коррекции мнения участников коммуникации можно приписать целому тексту. Текст без единого отрицательного элемента, например описание опасностей в джунглях, может выполнять коммуникативную функцию «отклонения или прекращения предполагаемого плана действий», т. е. такой текст по функции может быть идентичным отрицательному повелительному предложению вида *'Geh nicht in den Dschungel!'* *He ходи в джунгли!* Вышеприведенное З. Й. Шмидтом предположение мы можем с полным правом принять как верное, так как целью использования отрицательных конструкций в данном высказыва-

нии является запрет на некие действия одним из участников коммуникации.

Таким образом, для прагматического подхода в лингвистике характерно объяснение языковых явлений исходя из коммуникативной функции языка, из языковых действий. Поэтому-то и отрицание рассматривается как явление речевое: оно есть коммуникативная операция (действие), отклоняющая или же корректирующая (исправляющая) мнение адресата. Из того верного факта, что отрицания как такового в самой действительности нет (нет отрицательного положения дел, предметы положительны), делается ошибочный вывод, что отрицание есть чисто прагматическая категория, которая якобы ничего не говорит о положении дел в самой действительности, а только выражает отношение говорящего к мнению о данном положении дел, оцениваемое при этом как неверное.

Как видим, сторонники данной концепции рассматривают отрицание в языке не как собственно грамматическую, а как прагматическую категорию, выражающую некое отклоняющее, опровергающее отношение (*die ablehnende Einstellung*) говорящего к высказыванию⁴. Согласно этой точке зрения, отрицание якобы отражает предположение говорящего относительно знаний и мнений адресата, а пресуппозицию отрицательного предложения составляет его утвердительный характер, т. е. отрицательное предложение создает особый речевой акт, цель которого состоит не в том, чтобы сообщить новую информацию, а в том, чтобы опровергнуть, отклонить или скорректировать предполагаемое мнение или суждение адресата. Отрицательные предложения маркированы относительно речевого контекста.

Уточняя данный тезис, Г. Штикель в своей концепции отрицания исходит из прагматического включения отрицательных высказываний в коммуникативную ситуацию и выдвигает тезис о том, что отри-

цательное предложение как сообщение прямо ничего не говорит о положении дел, что общее значение отрицательных предложений относится не к положению дел в смысле события и т. п., а к мнению говорящего о положении дел (*die Annahme eines Sachverhaltens*), которое оценивается посредством отрицания как неверное (*als nicht zutreffend*)⁵.

Ценным в этой связи является утверждение Г. Штикеля, согласно которому характер сообщения в форме отрицательного предложения детерминируется не непосредственно отношением высказывания к обозначаемому им положению дел, а отношением к предшествующему высказыванию или мнению о данном положении дел.

Таким образом, общепринятым становится утверждение о том, что отрицательная оценка всегда преследует некую прагматическую цель.

Исходя из сказанного, в широком смысле отрицание определяется нами как указание на отсутствие связи между пресуппозицией и явлениями действительности или чьим-либо мнением. Отрицательные слова указывают на ошибочность или неверность пресуппозиции говорящего.

Подход к описанию отрицания только лишь через обращение к прагматическому аспекту высказывания мы считаем неубедительным еще и потому, что различные отрицательные высказывания могут нести одну и ту же прагматическую интенцию, и это свидетельствует об отношении отрицания к сфере пропозиции высказывания, а не к прагматике.

В связи с этим сразу же возникает вопрос: какую информацию отрицание привносит в пропозицию – фактологическую или указательную / дейктическую?

Обычно считается, что общий семантический признак всех отрицательных слов заключается в указании на отрицательную позицию, отрицательную точку зрения.

Поэтому отрицательные слова являются по своей специфике дейктическими словами.

Поскольку семантический характер отрицания заключается в том, что отрицательные слова по своей специфике принадлежат к дейктическому полю языка, то задача лингвистики состоит в выяснении специфики отрицательных дейктических слов в сравнении с другими единицами дейктического поля. Особенность дейктических слов, в том числе и отрицательных, в отличие от других слов местоименного характера, выполняющих заместительную функцию, состоит в том, что они отражают параметры процесса коммуникации. Отрицание указывает на определенную ориентированность коммуникативного акта и тем самым влияет на характер протекания коммуникации.

Таким образом, в своем исследовании мы исходим из того, что местоимения выполняют заместительную функцию, а дейктические слова указывают на некую соотношенность высказывания с авторской пресуппозицией или с оценкой некоторого высказывания с точки зрения коммуникативной обстановки.

В роли дейктического слова отрицание указывает на соотношение некоего предполагаемого положения дел в действительности с пресуппозицией говорящего, оно осуществляет указание на ложность утверждаемого собеседником, на его несовместимость с пресуппозицией говорящего.

Иначе говоря, в своем определении дейктической функции отрицательного высказывания исходим из следующего положения: при употреблении отрицания, мы как бы противопоставляем свою точку зрения точке зрения собеседника, указывая при этом на ложность и на несоответствие его высказывания нашей пресуппозиции. При этом мы преследуем различные цели. Вот почему отрицательными могут быть в принципе любые типы речевых актов.

В связи с этим мы не согласны с В. Хайнеманом, выделяющим особый класс отрицательных речевых актов, к которым он отнес опровержение (*Zugückweisung*), отрицательный ответ (*Verneinen*), запрет (*Verbieten*), отказ (*Verweigern*)⁶. Все вышеперечисленные речевые акты являются разновидностями репрезентативных и директивных речевых актов.

Как показал исследуемый материал, наиболее часто отрицательные конструкции встречаются в системе репрезентативных речевых актов (1867), к которым относятся такие акты, как сообщать (1607), предполагать (204), утверждать (56) и реже – в директивных речевых актах (633), к которым причисляются такие акты, как советовать (358), приказывать (141), командовать (77), спрашивать (34), просить (17), приглашать (11), молить (6).

Итак, в ходе исследования практического материала установлено, что чаще всего отрицательные конструкции употребляются в предложениях, направленных на сообщение какой-либо информации, например:

Mohallab: Ich will den Henker rufen.

*Welid: Das wird nicht helfen, Ihre Majestät. Wir brauchen hier keinen Henker*⁷. Данный диалог происходит между правителем и его советником по поводу меры наказания для некоего лица. В первом высказывании отправитель информации сообщает адресату о намерении совершить задуманное им действие, а именно позвать палача. В ответном высказывании адресат информирует адресанта о нецелесообразности данного действия, так как считает, что оно не повлияет на развитие ситуации. Если в ответной реплике убрать отрицание:

Mohallab: Ich will den Henker rufen.

Welid: Das wird helfen, то ответная реплика приобретет другой смысл, но сообщаемая адресантом информация все равно будет рассматриваться как просто сообщение.

Проследим, как поменяется интенция в той же ответной реплике, если мы отрицание *nicht* заменим на другое отрицательное слово:

Mohallab: Ich will den Henker rufen.

Welid: Das wird keinesfalls helfen. Man braucht keinen Henker. В этом случае выделенное отрицательное слово придает исходной реплике категоричный характер, однако интенция, как и в первом случае, от этого не меняется.

Таким образом, применение отрицательных предложений в системе репрезентативных речевых актов служит простой констатацией факта, цель которых остается постоянной – проинформировать со стороны отправителя информации адресата.

Посмотрим, поменяется ли иллокуция высказывания в директивных речевых актах при использовании в них отрицательных конструкций:

Mohallab: Was willst du denn von mir?

*Welid: Eigentlich will ich nichts. Aber ich glaube, wenn wir nichts unternehmen, die Lage verschlechtert sich*⁸. Диалог происходит между двумя представителями власти, наделенными разными полномочиями. Первое предложение относится к классу директивов, так как высказывание адресанта направлено на то, чтобы получить от адресата соответствующие разъяснения.

Если мы в данном предложении вместо отрицания употребим «etwas», то высказывание будет нести уже другую смысловую нагрузку:

Mohallab: Was willst du denn von mir?

Welid: Eigentlich will ich nichts. Aber ich glaube, wenn wir etwas unternehmen würde, die Lage verschlechtert sich. Однако от этого интенция адресата не изменится, так как в обоих случаях отправитель информации настаивает на необходимости выполнения некоторых действий. Таким образом, и эта трансформация показывает, что отрицание не влияет на интенцию высказывания,

меняется лишь характер сообщаемой информации, т. е. пропозициональное содержание.

В данной работе мы, следуя трактовке Ч. Морриса, попытались дать комплексную трактовку отрицания применительно к двум аспектам (прагматическому и семантическому).

В ходе исследования проблематики отрицательных высказываний мы выяснили, что все же приоритет при интерпретации отрицательного высказывания лингвисты отдают коммуникативно-прагматическому аспекту его содержания. При этом отрицание рассматривается лишь как явление операциональное, т. е. как коммуникативная операция, отклоняющая или же корректирующая мнение адресата.

В частности многие лингвисты по-прежнему трактуют отрицание в качестве коммуникативно-прагматического оператора, представленного на уровне мыслительной репрезентации реальных фактов, целого мыслительного образования, какого-нибудь признака, отклонения предпосылок, предположений, ожиданий, требование их корректировки, блокировки каких-либо действий.

По нашим же предварительным наблюдениям мнение о наличии отрицательных речевых актов является необоснованным, так как мы полагаем, что отрицательные речевые акты не образуют отдельный класс речевых актов, а входят в класс уже существующих речевых актов.

Тем не менее, на наш взгляд, описание отрицания только лишь при обращении к его прагматическому потенциалу мы считаем недостаточным, потому как различные отрицательные высказывания могут нести одинаковую интенцию.

Из чего мы заключаем, что отрицание является содержанием пропозиции высказывания и не имеет прямого отношения к прагматике. Отрицание является при этом лишь базой, на основе которой формируется интенция высказывания.

Эта семантическая специфика отрицания предопределяется принадлежностью отрицательных слов к дейктическому полю языка и общий семантический признак всех отрицательных слов заключается в том, что они указывают на отрицательную позицию, отрицательную точку зрения, на несоответствие сказанного пресуппозиции партнера по коммуникации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Моррис Ч. Основная теория знаков // Семиотика. М., 1983. С. 34.

² Бондаренко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. С. 52.

³ Schmidt S. J. Texttheoretische Aspekte der Negation. – Zeitschrift für germanische Linguistik, Berlin – New-York, Jg. 2., N 2. S. 198–199, 207.

⁴ Konceva K. Zur Negation im Deutschen. – Linguistische Studien, Berlin, 1976, N 29/2. S. 237.

⁵ Stöckel G. Untersuchungen zur Negation im heutigen Deutsch. – In: Schriften zur Linguistik. Bd. 1. Braunschweig, 1970. S. 17–18.

⁶ Heinemann W. Negationsleistung. In: Linguistische Studien, Berlin, 1986, N 14/3. S. 101.

⁷ Eich G. Fünfzehn Hürspiele. – Verlag Frankfurt am Main, 1972. S. 17.

⁸ Eich G. Fünfzehn Hürspiele. – Verlag Frankfurt am Main, 1972. S. 18.